

С М Е Ш А

1-2
1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВЕЛИКИЕ

ЗАВЕТЫ

Мы, современники тех лет, до сих пор видим, как наряду, жестоким зимним дни с кострами на перекрестках улиц, освещавшими зашлепавшие, хмурые лица людей. Морозный ветер шумел в электрических проводах, сухая, колючая метель порождала глаза, а мы всё ходили и ходили по белым улицам с утра до поздней ночи, как ослепшие дети.

И вся великая Россия была в слезах, застыла в горькой тоске.

О, эти картины похорон, последний военный салют!

Как в древние времена народных бедствий, стон прошёл по нашей земле: никого в русской истории так не оплакивал наш народ, как оплакивал он Ленина.

В Колонном зале Дома Советов прозвучали слова сталинской клятвы. И эта клятва его была именно тем, что чувствовал каждый из нас, но что никто не умел выразить так, как выразил И. В. Сталин перед уходившим от нас Лениным.

Это была святая чистота народной веры в ленинское дело, это была простая и мудрая народная правда, высказанная одним человеком — человеком с большой буквой.

Свет не погас. Гений Ленина остался жить на земле.

И теперь, спустя двадцать лет, мы вочию видим, что клятва Сталина была пророчеством.

Сокровищами ленинского учения неисчерпаемы. Свободно и широко ленинский гений проникал в будущее времена, оставлял новым поколениям свои великие заветы.

В войне, какой не знало человечество, в испытаниях, не поддающихся человеческому уму, сегодня наш народ стоит и побеждает. Да, это и есть могучие и пророческие слова нашего вождя перед уходившим Лениным в тот страшный и горький час.

Да, слова эти сбылись сегодня на наших глазах, в годы смертельной опасности, нависшей над нашей родиной.

Да, это — наше будущее, на которое мы взираем с великими надеждами и неизменной верой.

Николай Погодин

РОСТА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

21-го Января в состоянии здоровья Владимира Ильича внезапно произошло резкое ухудшение.

В 5-ть часов 30 мин. пополнили дыхание стали прерывистым. Наступило бессознательное состояние, появились общие судороги.

В 6-ть часов 50 минут Владимир Ильич скончался при явлившихся парачах дыхательного центра.

Лето Обух.
Президент Деметри-
Теле
Синий
Секретариат
Президент Советов.

Самый тяжелый удар постигший трудящихся Советского Союза, а также и всего Мира, совершила законная Власть Рабочих и Крестьян России, глубоко потрясая каждого рабочего и крестьянина не только нашей Республики, но и во всех странах. Широкайшим думам трудящихся всего Мира будут оплакивать ВЕЛИЧАЙШЕГО СВОЕГО ВОЖДА.

Его больше нет среди нас, но его дело останется незавершенным. Выразившее волю трудящихся Азии, Советского Правительства продолжает работу Владимир Ильича как раньше на неизменном за пути.

Советская Власть ставит твердо на своем посту на страже законности Пролетарской Революции.

Задачей и Личие Всероссийской Стран Советов, а также и интернационали в ближайшее для Советской Страны имеют выработать решения для обеспечения дальнейшей успешной работы Советского Правительства.

Москва, 21-го Января 1924.

Рисунок П. Васильева.

ЛЕНИН — СТАЛИН

Ленин — Сталин —
Одно навсегда,
Ленин — Сталин —
Едины навеки.
Нашей славы
Судьба и звезда,
Наших песен
Шумящие реки.

Неразрывен союз
Двух имён,
С ними годы
Подобны громадам.
Ваше званье
Над гремящей армией
Да и сверкающий
Профиль рядом!

Счастливы те,
Кто их делу служил,
Помынут его
Люди по праву:
«Честь ему —
Он с титанами жёл!»
Честь ему —
Он трудился на славу!»

И встреча
Победный салют,
Откланяются
Эком равнины.
Кляня гремит:
«Ленин — Сталин жинаут!»
Ленин — Сталин
Вовеки едины!»

Ленин — Сталин —
Одно навсегда,
Ленин — Сталин —
Едины навеки.
Нашей славы
Судьба и звезда,
Наших песен
Шумящие реки.

Михаил ГОЛОДНОЙ

Это было в Таганроге в конце 1941 года. Город переживал первые дни оккупации.

Молодые ребята, наряжались, кричали о разгроме советских войск, о неминуемом, ожидаемом с часу на час взятии Москвы.

В городе действовала подпольная комсомольская организация, отлавливая молодежь не сломанного террор и преследования, не запуганная вражеская пропаганда.

В эти дни среди молодых подпольщиков пошла по рукам листовка. В ней стояло одно одно слово. Это был портрет Владимира Ильича Ленина, нарисованный художником-самочуком комсомолец Виктор Петровским. Листок повсюду шел из рук в руки и был крашепривнее всяких слас.

Окруженные оккупантами, молодые патриоты в сердцах своих хранили образ своего вождя. Одна выходящая листовка назвала им своим В них был бесстрашный дух великого Ленина, они верили в правоту и торжество своего дела.

Гитлеровские захватчики старались уничтожить всё, что связано с именем Ленина. Они уничтожают портреты и книги Владимира Ильича, разрушают возмужатые ему памятники. В стране Демьянчике, Смоленской области немец увидел у девочки книгу «Детские и юношеские годы В. И. Ленина». Немец взял девочку халестом по лицу, выхватил ей руку и в класочка чюровая книгу. Конечно, не удалось превратить в пепел книгу, можно раздробить камень и расплавить бронзу, но никого и никому не удалось вырвать из сердца миллионов советских людей навсегда запечатлевшийся в них светлый облик великого вождя.

Вся жизнь, борьба и труд молодых советских патриотов пропитаны мыслию о нем, о нем, чей профиль изображен на их комсомольских билетах. Каждый новый день Отечественной войны утверждал бесмертное дело Ленина. Он в сердце Демьянчике, в несокружимую борбу за счастье родины поколение Павла Корчагина — комсомолец гражданской войны; оно ведет в дни молодых людей нашего времени, в дустриальных, сельских, лесных, в горах, в поселке Зои Космодемьянской, Бориса Кошова, Александра Матросова, Олега Кошевого. Воспитанные на идеалах своего учителя, они являют миру величайшие образцы нравственной силы, героизма, самопожертвования во имя родины.

Владимир Ильич Ленин учил, что быть членом Союза молодежи — значит отдавать все свои силы на общее дело. Вручили своим своим народом, непримиримыми и беспощадными к врагам родины, сокрушающими на своем пути все препятствия — такими хотели видеть комсомольцы Ленин, такими воспитал их Сталин.

«Нас ковал», — говорит товарищ Сталин, — великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец, который не знал и не признавал страха в борьбе. Ленин не создавал ни партию своего гноми и бури, он не страшился опасностей, не палал духом при временных неудачах, вдохновлял борюся своей неиссякаемой, могучей волей. Комсомольцы не знают страха, борбу — к этому призывал советских патриотов товарищ Сталин, когда немецкие фашистские орды неразумно напали на нашу страну.

«Великий Ленин, создавший наше Государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, исключение страха, борбу, решительность. Битые вместе с народом против врагов нашей родины».

И наша молодежь по призыву вождя и полководца смело выдвинула свои подразделения и преследовала себя и свой народ противника отваги и мужества.

Советская девушка, комсомолка из Краснодара Ляля Шевцова, понав в руки фашистские пальцы, вынесла комсомольские желеном, вырвала ей на спине звезду. Но Ляля не сдавалась.

ПО ПУТИ ИЛЬИЧА

Комсомолец Анатолий Угловский бросился с гранатами навстречу немецким танкам. Головной «тигр», побитый, застыл на месте. Вражеские танкетки в замешательстве поворачивали машины вспять, страшась этой неведомой и непонятной им яростной силы самопожертвования.

Десетки безымянных молодых героев повторили великий подвиг Александра Матросова, грубой силой закрывшего амбразуру немецкого дзота.

Венная слава может быть добыта не только на торжественной войне фронта. Не всем молодым патриотам родина вручила оружие: миллионы юношей, девушек, подростков доверено другое ответственное дело — работа в тылу, снабжение Красной Армии вооружением, боеприпасами, продовольствием.

Организованность, дисциплина и выдержка учна, молодёжь Ленин. Выполнив срочный военный заказ, Ленинградская комсомолка Дус Изова не выдохнула из уха 70 часов. Разве она не достояна того, чтобы её имя было поставлено рядом с именами прославленных воинов-фронтовиков!

По комсомольскому почину заревернулся в промышленности движение фронтовых бригад. Всей стране известны молодые стахановцы Военного времени — тысячники, вожаки фронтовых бригад, талантливые рационализаторы. Велика забота героев труда комсомольцев Владимира Лавриштина, Дашу Гарман, Катю Варышинову, Ляля Батурина и многих других, — знают и гордятся ими точно так же, как своими храбрыми солдатами, ибо и в тех и в других воплощены прекрасные черты нашего великого народа — воина и творца.

Одной из отличительных черт В. И. Ленина была его чуждость к людям, с которыми он встречался, к трудящимся. Максим Горький писал: «меня удивляло: как он, всецело погашенный работой, пишет о том, что это кто-то гасло болел, нуждается в отдыхе?»

Темкому же заботившему отношению к людям, вынимавому к их нуждам, вопросам, горестям и порываниям учил комсомолец товарищ Сталин. В дни войны советская молодежь показала, насколько она верна благородным принципам ленинского

Рис. П. Васильева

гуманизма, долгу творческой ответственности взаимной выручки. Завбота о раненых бойцах, о детях, оставшихся сиротами, пострадавших от немецко-фашистских захватчиков, помощь семьям фронтовиков — комсомолец считал своим крестным делом.

Ленин глубоко верил в силу и творческую энергию молодого поколения. Он писал: «Мы боремся лучше, чем наши отцы. Наши дела будут бороться ещё лучше, и они и не пойдут?»

После смерти Владимира Ильича Союз молодёжи решил признать имя Ленинского комсомола. 17 съезд комсомола, собравшийся в Москве в 1944 году, от лица всего Союза заявил:

«Не для красного словца, не из желания носить у нас во всех имён, не только для того чтобы почитать имя великого великого усопшего, принесли мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы вся трудящаяся молодёжь всех народов, всех государств, всех частей и всех передовым отрядам — Коммунистическим Союзом Молодёжи, прониклась единой волей и твёрдой решимостью научиться по-ленински жить, работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные нам Лениным».

Двадцать лет прошло со дня смерти Владимира Ильича. Все время от Ленинский комсомола неизменно славово наказу, который дал товарищ Сталин юношеству:

«Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя и нашего вождя. Боритесь и побеждайте врагов, внутренних и внешних, — по Ильичу».

Стройте новую жизнь, новый быт, новую культуру!

Никогда не отказывайтесь от малого в работе, ибо из малого строится великое, — в этом один из важных заветов Ильича. Мы должны помнить, что в годы войны у Ленина, у Сталина. Коммунистическая партия ведёт и воспитывает советскую молодёжь, вдохновляет её великими примерами доблестности, мужества и любви к родине.

Накануне 25-летия ВЛКСМ комсомольцы и молодёжь Советского Союза обратилась к товарищу Сталину и товарищу товарищу Сталину с коллективным письмом. В нём они дали клятву: оружием и трудом, не жалея сил, ковать победу:

«Клянемся мы ленинской правдой, нетленной,

Что, крови и жизни своей не щадя, Мы будем в сраженьях верны неизменно Молодежи, и славы, и воле вождя». Под этими словами подписались более 17 миллионов юношей и девушек. Молодые патриоты верны своей клятве.

Торжественным проходом артиллерийских дивизионов в Москву и по всей территории страны о гномых победах доблестной Красной Армии. Неудержимым, грозным потоком победоносно шло советское войско на запад, наносило врагу удар за удар.

Борьба ещё не окончена. Путь к победе труден, и нам предстоит пройти ещё не мало испытаний. Но мы смело смотрим в лицо гитлеровцу. Мы ленинцы, мы сталинцы. Да жизнотворческих источников питания наша сила — любовь к родине и нежность к её врагам. Они неиссякаемы, и нет на земле ничего, что могло бы сломить рождённую ими волю.

Мы уверены в конечном нашем торжестве, потому что нас ведёт партия большевиков, наши руководит Сталин, в ком большевик Ленин, во главе которого во всей его необоримой силе. Герои Сталин, — мы говорим: победа. С именем Сталина идут в бой отважные советские воины, ставшие в ряды с отважными волами стараврами, оруженниками, шахтёры. Над всем движут боевым лагерем нашей страны элитный мужичий призыв.

Под знаменем Ленина, под вождеством Сталина — вперёд за полную разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей родины!

В. И. Ленин в Петрозаводске.

В. И. Ленин беседует с крестьянами.

Рисунок П. Васильева (1943 год).

Капитан Ал. Овчинюк

ОН УЧИЛ ЛЮБИТЬ РОДИНУ

Представитель, так сказать, старшего поколения моряков. Моя военно-морская служба сложилась так, что и побывал я на кораблях Балтики и на Тихом океане. А Великая Октябрьская революция застала меня в Северной флотилии. По инициативе Мурманского ревкома был создан матросский отряд, в который вошёл и я в качестве начальника пулемётной команды.

Спустя некоторое время мы прибыли на Балтику. Здесь по указанию Владимира Ильича Ленина формировались отряды моряков для посылаки на сухопутный фронт.

Один отряд уезжал в Сибирь для борьбы с Колчаком. Отряд, в который попал я, был послан на юг. После ряда боёв на сухопутном фронте нас перевели на Волгу для организации Волжско-Каспийской флотилии.

В Сарове по указанию Ленина стали строить тяжёлый бронепоезд особого назначения. Команду было приказано подобрать из моряков-добровольцев. Я пошёл на бронепоезд.

Когда мы были готовы к бою, нас вывели в Москву. Как только бронепоезд остановился у дебаркадера Северного вокзала, к нему подошли две машины. Из одной вышел Владимир Ильич.

Товарищ Ленин очень внимательно следил за боевыми делами моряков. Нам по-

редавали, что он восхищался их мужеством и стойкостью. Для нас имя Ленина было знакомом борьбы. Оно звало нас в бой и прибавляло силы. В 1919 году я стал коммунистом. Я хотел быть в первых рядах борцов за дело народа.

И вот теперь Ленин был рядом со мной. Владимир Ильич был рядом на бронепоезде. Мы окружали Ленина, и он долго беседовал с нами. Любимый вожь рассказывал о положении в стране, о военных трудностях.

Процисая с нами, он сказал, что посылает наш бронепоезд на Северный фронт. Владимир Ильич наказывал нам высоко держать знамя советских воинов, стойко переносить трудности и бесстрашно, презирая смерть, драться с врагами.

Моряки поклялись Ленину отстоять молодую Советскую республику.

И, куда бы потом нас ни бросала военная судьба, мы помнили о ленинском завете и о нашей клятве.

Один фронт сменялся другим. А пушки бесменно грузились. И вот пришёл момент, когда они вышли из строя.

Я получил приказ выехать в Москву за новыми пушками. При выполнении задания встретился с трудностями. Что делать? Решил пойти к Ленину.

И пошёл. Секретарь сообщила, что Ленин просит меня зайти. Едва я открыл дверь кабинета, как Владимир Ильич поднял-

ся навстречу. Поздоровался я с Лениным. Он, улыбаясь, спросил:

— Ну, товарищ матрос, зачем пожаловал?

Я ему рассказал о неудаче с пушками.

— Не беспокойтесь, пушки будут, — сказал Владимир Ильич и здесь же отдал необходимые распоряжения.

После этого Ленин стал расспрашивать о бронепоезде и о делах на фронте. Я ему рассказал, как однажды мы разбили группу вражеских бландрированных поездов.

Владимир Ильич долго смеялся и то и дело повторял: «Ай да матрос молодцы!»

Ленин очень тепло проводил меня и, пожав мне руку, просил передать товарищам большой привет.

Вооружение для броневика мне выдал немедленно.

Никогда не изгладится из памяти эта встреча с Владимиром Ильичем.

Ленин учил нас любить родину и беззаветно защищать её от врагов. Владимир Ильич приказывал оберегать отчину от попыток поработить её, а если война станет фактом, — драться под девизом «Победа или смерть!»

Молодое поколение советских моряков-достоинные преемники традиций октябрьского поколения революционных матросов. С именем Ленина, с именем Сталина они героически бьются за советскую родину.

Евг. Герр

У ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Мне, члену президиума первого съезда комсомола, выпало на долю большое счастье — участвовать в беседе президиума с товарищем Лениным. Когда читался тевер, в дни Отечественной войны, о красноречивых комсомольцах из Младшей гвардии, совершавших смертельную борьбу против фашистских извергов с самой нежной заботой о советских детях, о семьях красноармейцев, или слышался рассказ о подвигавших героических делах базовых отрядов ленинградского комсомола, — невольно вспоминаешь обстановку беседы у Владимира Ильича, его поразительное внимание, чуткость, любовь к людям и видишь, что лучшие сыны и дочери комсомола достойно восприняли эти прекрасные ленинские черты.

В октябре 1918 года, когда проходила первый съезд комсомола, в Москве было голодно. Направлялся в Кремль на приём к Ленину, мы по дороге купили всеядный кисельного хлеба. За разговорам и не успевала съесть свою долю хлеба до Кремля, а бросить оставшийся кусочек было жалко. Я крепко зажала его в руке и так вошла в кабинет к Ильичу.

Встреча с вождём революции проходила на нас потрясающее впечатление. Мы растерялись, позабыли всё, о чём нас упоминочно съезд рассказывал. Ленину, все те хорошие слова, которые мы мысленно проносили, яля к нему, самому родному. В груди бушевала радость, но мне не могли произнести ни слова. Владимир Ильич понял наше состояние и шутками, вопросами помог нам прийти в себя, незаметно вовлёл в оживлённую беседу, а затем, когда речь зашла о работающей Всероссийской женской коммунистической организации, о роли трудящейся молодежи в борьбе за упрочение советской власти, за новый, социалистический строй, создавшийся в нашей стране.

Я устроилась на спинке кресла в стороне у окна, спрятав руку с хлебом за спинку кресла. В ходе беседы исчезло напряжение — и мы весело смеялись на острые ильичины замечания и шутки. Астрономическим понаме глущайшего смысла, но такие простые и ясные слова, которыми Ильич напутствовал на труд и подвиг юную комсомольскую рать.

Заканчивая с нами разговор, Владимир Ильич, обращая ко всем, неожиданно спросил:

— А кушать, ребята, хотите?

Вопрос застал нас врасплох, и хотя мы дружно хором ответили отказом, Ильич написал нам записку к Якову Михайловичу Свердлову:

«Накормит обедом 11 членов президиума первого Всероссийского съезда союзов молодежи».

Очень не хотелось нам отдавать этой маленькой бумажке, на которой была записана подпись Ленина. Но стрелка требовательности Якова Михайловича, объяснившего нам, что советский деятель не может бесконечно расходовать ни золотишка из добра, приваляющегося изроду, поворачивая нас и мы с сожалением отдали дорогую записку.

А вечером на съезде была радостный праздник. Мы рассказывали делегатам содержание беседы с Лениным.

С той ленинской программой наchal 25 лет тому назад свой путь наш ленинско-сталинский комсомол.

Подвиг балтийцев.

Рисунок С. Вышевецкой (1943 год).

Всеволод Вышевецкой

ЗА ДЕЛО ЛЕНИНА, ЗА ГОРОД ЛЕНИНА...

История подвигов Краснознамённого Балтийского флота в Отечественную войну ещё только записывается. Полная святость этих подвигов ещё до конца не развёрнута и самую жизнь. Но то, что произошло, мне запомнить, видеть и в Таллинне, и в Кронштадте, и в Ленинграде, и в других пунктах Балтики, здесь надо отметить. Речь пойдёт о ленинской молодёжи, о комсомольцах флота. Я приведу факты, которые вошли в комсомольскую летопись флота. Пусть люди знают, как бьются балтийцы за дело Ленина, за город Ленина.

Первым хотел бы назвать я в своём очерке героя Балтики — старшину 2-й статьи Василия Степановича Кузнецова с амыра «Ленинград».

Лидер «Ленинград» осенью 1941 года своим огнём обеспечивал на важнейшем участке фронта под Ленинградом оборону наших войск, с непероятными усилиями сдерживавших натиск немцев. Напомню, что в критические дни борьбы немцы в шесть раз превосходили нас численностью. Но великий город не считал врагом, а был их.

Орудийный расчёт Василия Кузнецова работал чётко, стрелял метко. Одна за другой замолчала разгромленная ми подвальные наши огнём вражеские батареи, но те из них, которые ещё действовали, продолжали ожесточённый обстрел адыра.

Разорвавшимся у самого корабля снарядами была тяжело ранен командир орудия Кузнецов. В это время на корабле начался пожар. Испускающей кровью моряк кинулся спасать родной корабль. Он схватил голыми руками горящий заряд — брызжащие лаваи пороха — и хотел выбросить его на борт, но силы изменили моряку, ноги подкосились. Он упал. Огонь стал охватывать моряка, но он охватывала себя впитывая. Он помог с борту, перекинув вместе с собой горящий заряд. Человек превратился в костёр. Му-

читальным усилием Кузнецов стожилку всё же зарыл в воду.

Последними словами, которые услышали товарищи из уст Кузнецова, когда он на мигууть пришла в себя, были: «Меня оставить, спасайте корабль!»

Так погиб балтийский моряк — славный почитатель традиций русских моряков.

Приказом командующего Краснознамённым Балтийским флотом адмирала В. Ф. Трибуца память о молодом советском патриоте — герое Отечественной войны В. С. Кузнецове — увековечена. Мемориальная доска на шите оружия лидера «Ленинград» говорит о его подвиге. На щитке висело его имя в списке экипажа корабля. На спрашке, когда вызывают Кузнецова, строй марширует.

В тишине слышен отголосок:

— Погиб во славу родины!

Пример Кузнецова не одинок.

Комсомолец лейтенант Аполов из отряда из подходов кораблей из Ленинграда получил приказание поставить дымовую завесу. Звено катеров, возглавляемое Аполловым, выполнило приказ командования. Корабль получивший возможность продолжать ветер разорвал дымзавесу. Обрадовалось «окино», и несколько кораблей стали видны врагу. Но ним открыли огонь вражеские батареи. Вода кипела от взрывов снарядов. Операция могла сываться.

Фидер-комсомолец Аполов мгновенно оценил вели опасность положения. Он решил любой ценой снова поставить дымовую завесу. Не задумываясь, Аполов направил в образовавшиеся «окино» свой катер. Не обращая внимания на вой снарядов, на огромные столбы воды, поднимавшие ими, катер поставил завесу. Аполов и его смельчаки погибли от прямого попадания шестнадцатого снаряда.

Герой-комсомолец Аполов посмертно награжден орденом Красного знамени.

Приеду ещё три факта.

На четыре балтийских наших катера напали шесть вражеских самолётов. Осколками бомбы сорвали одного катера Алексея Васильева, сорвали правую ногу. Человеческим напряжением воли Васильев доложил до палубы и открыл огонь по врагам.

Краснофлотец-комсомолец Рулевой с катера «МО» Николай Якушев в эсминетном боев двух балтийских катеров с четырнадцатью шнекороторными катерами в мае 1943 года был тяжело ранен, но штурвала не выпустил. Операция на правую ногу (искусственный ми тёмбу) комисс, он продолжал вести катер. Он управлял катером до тех пор, пока не потерял сознание и не упал тугой же. У штурвала. У штурвала встал другой комсомолец. Куре был всё тот же. Враги, всемерно превосходявшие численностью, были разгромлены.

А подвиг комсомольца Василия Трещалова!

Трещалов во время одного налёта был ранен в голову, но продолжал воднотиски боевые. Рванул селудущий бомба. Трещалову оторвали сгибатель пальца правой работы, прыгая на одной ноге, хватая и полаява боезапас. Какое устроило Васильев, русское устроило.

Вот и привёл к факта, случившихся в разное время. Но они одной природы, одного порядка: над мёртвой материей, над металлом и взрывчаткой германских изобретений, его воле! И трагично торжествует над советский человек, не только его техника, но его пламенный, неукротимый дух — ленинский дух! — его коммунистический терпение, его воле! И трагично отрадно, что эту победу одерживает наша молодёжь, верные принимающая боевое крещение.

В детонных Балтики навсегда останутся и подвиги Лётчика Горгуля. Тридцать три боевые вылета совершил гвардеец-комсомолец Семён Горгуля, участник многих воздушных боёв.

Однажды Горгуля получил задание разведать трассу. Самолёт вымыл высь, взял курс на запад. Мотор работал беспрерывно. Лётчик выныривался влево. Вскоре мотор заволокся дышкой. Видимость ухудшалась. Незаметно из-за облаков вынырнула несколько «мессерингтов». Они бросились на одинокий истребитель Горгуля. Балтийцы приняла бой. Он был почти сразу тяжело ранен, но от боя не отказался. На яростные атаки «мессерингтов» комсомолец Горгуля отвечал ещё более дерзкими контратаками. Лётчик был вторично ранен в обе ноги. Он больше не мог управлять самолётом. Можно было прыгнуть на парашюте. Но разве комсомолец оставит свой боевой истребитель! Надо посадить самолёт, надо слететь его для боя, для родного Ленинграда.

Наругая последние силы, заставляла действовать порывные ноги, Горгуля сел на лёд. Финские самолёты не улетели. Они решили добить героя. Немцы стали делать заход за самолётом Горгуля. Дымная туманность оцепела. Второго захода. И третий раз. Третью боевую вынужден и затерялся. Горгуля начал терять сознание. Он знал, что пришла очередь, что враг неутомим. Но советский воин не просят пощады.

Горгуля поднялся. Он посмотрел на небо, в котором так славно сражался. Он плавно и смело смотрел смерти в глаза. Пуля пробила эту гордую юношескую голову. Сражённый, комсомолец упал.

Балтийцы похоронили три героя, в его склятой руке они увидели вырванный из блокнота листок бумаги. В последние минуты жизни умирающий Горгуля написал своей кровью.

«До свидания, защитники Ленинград! Да здравствует Сталин! Юля, моиши Союз!»

Обширные головы свои пера памяти комсомолец-балтийца Семёна Горгуля. Он думал о всех нас в смертный свой час. И сохранил в своей душе, своей памяти этот кровавый написанный призыв вояки-комсомольца.

Вояки наша ролина... Опись Взором, друг читатель, береговую черту великого Советского Союза. Она необятная: береговая линия бежит на 48 тысяч километров. Выход волеи о берег, близу в скалах Чёрного моря, ажурит несчётные дюны Балтики, прокатываются по кампаниям днепровских гиря. И везде на посту, на вахте, в дозоре, в сквапте нах и бое — русский моряк, комсомолец, правнук Гора, матроса Кочки, внук героя Порт-Артура, сын героя Октября, — преемник всей русской морской традиции.

Родине бы нужен сильный флот. Комсомолец отдад боевое десятилетия упорного труда на то, чтобы выковать кадры для этого флота и освоить великодушную технику, которую дали нам наши кораблестроители на главе с академиком Крыловым.

Комсомола глубоко, всем умом и сердцем, понал, какую задачу возлагает на него флот. Он отобрал для флота людей прочных, надёжных и чистых душой.

Я рассказываю вышке, как дружили наши балтийские комсомольцы на море и в воздухе. Балтийский флот не ограничива, однако, свою работу только морем... Балтийский флот дал тысячи людей на сухопутный фронт — в окопы.

И здесь комсомольцы, верные правды, давали орденосного комсомола, идут вперёд.

Вот подвешенный недавно счёт пяти балтийских снайперов, воспитанных комсомола:

В. Калинин — 210 убитых немцев,
М. Парфёнов — 205 убитых немцев,
С. Никишин — 203 убитых немца,
В. Васильев — 201 убитый немец.

В. Герасченко — 181 убитый немец.
Итого: ровно тысяча. Пятюро уничтожений немецкой полка. Тысяча гитлеровцев перестала творить свои злодеяния на нашей земле. Тысяча влов ственат в Германию. Новая тысяча матерей ственат в Германию. Новая тысяча императоров умруо твердят: «Деда на Востоке всё хуже и хуже...» Несколько тысячи зна-

комых и притягивает этих влов, матерей, отцов твердят о смерти этих тысячи немцев под Ленинградом. Так расшатаю ещё одно здание в немецкой нацизме.

С лаской и упреком говорим мы о молодом поколении моряков. В них — наших комсомольцах — мы видим прямое продолжение нашего русского флотского рода. Работа эти смелые, гордые, смелые, культурные, с широкой, отважной душой. Они универсальны: умеют делать многое. Работа в руках горит, они никогда не унывают и за словом в карман не лезут. И отличаны у них качества: выносливость, стойкость.

И образ моряка-комсомольца Отечественной войны входит в историю и по праву становится рядом с шеренгой старых героев.

— Привет вам, честь и место, сыны!

Чья душа не отговарив, чьё сердце не забывает, когда узнает о подвигах балтийских, молодых, об орлах из Крошатайта! Слушайте же о них.

Группу захваченных в плен раненых моряков, слованных вандалями, исключенных, обожженных, немцев вез в тая. Моряки были истощены от голода. Поэтому немцы стали дрзнить моряков: бросали им корки, а когда томленные набивались, чтобы попить их, немцы были измученных, отрывали хлеб от рта и смеялись, смеялись... Так немецкие скоты продавали это несколько раз. И тогда в рядке корюков прогромола: «К боду», и скотские подлы моряки, не имея возможности свободно действовать руками, набросались на немецкий конвой, сбивали его с ног и убивали ударями голов, лещ, ног...

Эго гордые комсомольские помия Зялово до конца!

Комсомолами своего помия завет Ленина о том, что основными качествами советских людей должны быть храбрость, отага, незнание страха в борьбе.

Горящая боевая воля пусть же поднимается в сердце каждого! Местью, помиям ударями ответим немцам за их преступления.

Огонь, комсомольцы!

В. И. Ленин в Горках (август 1922 года).

ЛЕНИН В ЖИЗНИ

Владимир Ильич знал цену времени и умел беречь его. И в одну минуту не проходила у него даром. Несмотря на то что Ленин вся громадная работа по своему правлению и государством, сочетая её с оперативной, он никогда не терялся, не был задёртан, никогда не опаздывал, всё успевал «сделать и выдохнуть ещё возможность и время вникнуть в личные нужды товарищей и помощи им. Владимир Ильич вникал во всё, вникнул, что «политический руководитель отвечает не только за свою политику, но и за то, что делают руководимые им».

В. И. Ленин работал организованно и по плану. Он приходил всегда в одно и то же время утром в свой кабинет, просматривал множество газет и новые бумаги, делал распоряжения, говорил по телефону, принимал товарищей, председательствовал на заседаниях в совещаниях и всегда ровно в 4 часа уходил домой обедать. Я не помню случая, чтобы он нарушил это правило. Победив и отдохнув немного, к 6 часам возвращался в свой кабинет, всегда с целой кипой записочек-поручений для нас, всегда полной энергии и творческой инициативы.

Владимир Ильич умел беречь не только своё, но и чужое время. Он никогда не заставлял себя ждать и на заседаниях Совнаркома и ЦТО приходил ровно в назначенное время. Отозвонив часами Совнаркомом и ЦТО, тутчас себе стучал в протоколе, с указанием, кто и на сколько минут опоздал.

(Л. Фотиева «Как работал В. И. Ленин».)

ЗАБОТА О ЛЮДЯХ

В эпоху интервенции, голода, разрухи, занятый вопросом: «Голодают ли от голода?», «Живут ли молодые советская республика? — Ленин находил время подметать нужды товарищей и приходил к ним на помощь. И помогать не только близким товарищам, но и рядовым трудящимся, незащищённым работникам, с которыми ему приходилось случайно сталкиваться.

Ещё и ещё раз хочется вспомнить ряд поразительных примеров.

Недорой подорвали сельское хозяйство. Кучабы саботирует борьбу за урожай. Недостаток продовольствия резко сказывается на всей жизни страны. Из толковой крестьянской газеты «Беднота» сообщают Владимиру Ильичу, что приехала пожилая крестьянка-опытница Чекунов, которая непременно хочет поговорить с «самим Лениным». Владимир Ильич принимает Чекунову. Во время важнейшего государственного разговора судьях сельского хозяйства Владимир Ильич узнаёт, что у собеседника сломаны очки. И тутчас после приёма — запись ко мне, товарищескому народному комиссару продовольствия Ивану Афанасьевичу Чекунову, очень интересной крестьянке, по своему пропагандирующей основы коммунизма.

Он потерял очки, заплатил за дрань 15000 р!

Нельзя ли помочь ему достать хорошие очки? Очень прошу помочь и попросите секретаря Вашего сообщить мне, угадас ли. Ваш Ленин.

В этой записке всё замечательно и содержание, обмолочное забавно о трудящемся, которого он видит впервые раз в жизни, и стиль: «попросите Вашего секретаря...»

(И. Сельский «Незабываемый образ».)

СКРОМНОСТЬ И НЕПРИТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ

Ленин, когда это нужно было, принимал и в ведомственных государственных апартаментах. Однако его частная квартира считалась крайней простотой и неприязнительностью.

Я застала жену и сестру Ленина за ужином, к которому я тутчас же была приглашена самым сердечным образом. Это был скромный ужин любого среднего советского служащего того времени. Он состоял из чая, чёрного хлеба, маасы, сыра. Потом сестра должна была «в честь гостя» помыть, нет ли чего «сладкого», и, к счастью, нашлась небольшая банка с вареньем. Как известно, крестьяне доставали в изобилии «своему Ильичу» белую муку, сало, яйца, фрукты и т. п.; известно также, что из всего этого ничего не оставалось в доме у Ленина. Ещё вспоминалась в болящих и детские призывы, так как семья Ленина строго придерживалась принципа жить в тех же условиях, что и трудящиеся массы.

(Клара Цеткин «Воспоминания о Ленине».)

ЛЕНИН И ДЕТИ

Я впервые видела Ленина, он был в шубе с каракулевым воротником шапью, в каракулевой шапке с наушниками. Ленин со всеми привлекательно поговорил за руку. Вдруг внезапно задала обожавшая с робкими собачка Бобка. Владимир Ильич нагнулся к собачке и весело сказал:

- А, позвольте познакомиться, как вас зовут?
- Бобка, Бобка! — закрылись дети.
- А, товарищ Бобинский, — и видя Бобку за лапу.

Когда гости разошлись, ребята обступили Владимира Ильича.

Тут поднимался вторая любимица робота — Мусья; Владимир Ильич с увлечением начал натравливать Бобку на Мусью, робота задохотали, началось веселое возни. Всем стало так весело и азартно, а сам Владимир Ильич был так обаятелен и прост, что смущения и неуживчивости показались все наши приготовления к торжественной встрече.

(Ф. Халевская «Ленин и дети».)

«Владимир Ильич любил робота; за присутствиям Робит и у него смеялось лицо, сияли глаза. Он любил слушать их болтовню, шутить с ними, возиться...»

Владимир Ильич относился всерьез к занятиям робота, к тому, что они говорят и что делают. У него не было и тени того пренебрежительного отношения к детям, того невнимания к ним, которое так часто бывает у взрослых, и потому робота очень любил его. Он торжеств не мог манеры превращать детей в игрушки, заставлял их повторять слова, смысла которых им непонятно, а также терпеть не мог бессмысленного баловства. Он уважал права детей. В детях видел будущее.

(И. Крупская «Что нравилось Ильичу из художественной литературы».)

СМЕХ ИЛЬИЧА

Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся В. Ильич. Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться...

(М. Горький «В. И. Ленин».)

Когда я ближе узнал Ленина, я оценил еще одну его сторону, которая сразу же бросается в глаза: поразительную силу жизни. Она живет и играет в нем. Как он заразительно, полудетски хохочет, и как легко рассмеяться его, какая наклонность к смеху — этому выражению победы человека над трудностями. В самые страшные минуты, которые нам приходилось вместе переживать, Ленин был неизменно ровен и так же склонен к веселому смеху.

В частной жизни Ленина тоже больше всего любил именно такое непринужденное, непосредственное, простое, кипением оно определялось веселье. Его любимцы — дети и котята. С ними он мог играть целыми часами.

(А. Луначарский «О Ленине».)

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ

Потом, позже, во время войны, Владимир Ильич увлекся книжкой Варлоса «Огонь», придавал ей громадное значение. Эта книжка была так созвучна с его тогдашним настроением.

Из современных вещей, помню, Ильичу понравился роман Эрзенбурга, описывающий войну.

«Это, знаете, — Илья Локматий (была книжка Эрзенбурга) — торжествующе рассказывает, — Хорошо у него вышло. За два дня до его смерти читал я ему вечером рассказ Джека Лондона — он и сейчас лежит на столе в его комнате — «Любовь к жизни». Сильная очень вещь. Через снежную пустыню, в которой нет человеческая не ступала, пробираться к пристани

большой реки умирающий с голоду большой человек. Схватит у него снадь, он не идет, а ползет; а рядом с ним ползет тоже умирающий от голода ведь, идет между ними борьба, человек побеждает, — полумертвый, полуживотный добредается до воды. Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно. На другой день снова читает рассказы Лондона дальше. Но у Джека Лондона сильные вещи перемежаются с чрезвычайно слабыми. Следующий рассказ попался совершенно другого типа — пролитая буржуазной моралью: какой-то капитан общался владыку корабля, нагруженного хаюбом, выгодно сбывать его он жертвует жизнью, чтобы только сберечь свое слово. Засмеялся Ильич и махнул рукой. Больше не пришлось мне ему читать.

(И. Крупская «Что нравилось Ильичу из художественной литературы».)

ЛЮБИМЫЕ ПЕСНИ

«Вспоминаются вестра, которые мы проводили у Ленина. Владимир Ильич обладал довольно приятным, несколько глуховатым голосом и очень любил петь в хору и слушать пение.

Репертуар наш был довольно разнообразен. Начинали обычно с революционных песен: «Интернационал», «Марсельеза», «Варшавянка» и др. С большим чувством пели «Замучен тяжелой иждивением». «На степном кургане, в широкой степи». Нравился Владимиру Ильичу песни Сибири. «Ровная буря, дождь шумел», «Славное море, священный Байкал» и песни о Степане Разине — «Есть на Волге устье».

(М. Эссен «Великий вождь и друг человечества».)

Во вторую эмиграцию в Париже, охотно ходил Ильич в разные кафе и пригородные театры слушать революционных шансонетчиков, певших в рабочих кварталах обо всем, — и о том, как подымались крестьяне забирать в палату депутатов проежного агитатора, и о воспитании детей, и о безработице и т. п. Особенно нравился Ильичу Монтегю. Сан коммунара Монтегю был любимцем рабочих окраин. Правда, в его импровизированных песнях — всегда с яркой бытовой окраской — не было определенной какой-нибудь идеологии, но было много искреннего увлечения. Ильич часто напевал его привет IT полку, оказавшемуся стрелять в стачечников: «Привет, привет, солдаты IT полка».

«К нам приехала на пару часов француженка-уборщица. Ильич услышала однажды, как она напевала песню. Это народная эльзасская песня. Ильич спросил уборщицу пропеть ее и сказать слова, и потом переложи сам пел ее. Кончались она словами: «Вы изван Эльзас и Агстатинга, но вопреки вам мы оставим французами. Вы могли онемечить наши поля, но наше сердце, — вы никогда не будете его иметь!»

Была это 1909 год — время реакции, партия была разгромана, но революционный дух ее не был сломан. И случилась была эта песня с настроением Ильича. Надо было слышать, как победно звучала в его устах слова песни:

«Но наше сердце, — вы никогда не будете его иметь!»

(И. Крупская «Что нравилось Ильичу из художественной литературы».)

В. И. Ленин и И. К. Крупская с Александринкой Витей и дочерью одного рабочего в Горках (1922 год).

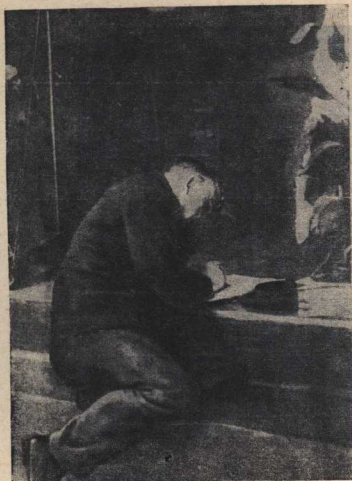
В. И. ЛЕНИН выступает на похоронах Я. М. СВЕРДЛОВА: Мерт 1919 года.

«Быть членами союза молодёжи значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами.»

В. И. ЛЕНИН

В. И. ЛЕНИН на трибуне.

В. И. ЛЕНИН готовится к выступлению.

Июль 1921 года.

В. И. ЛЕНИН произносит речь на Красной площади Москвы.

Июль 1920 года.

Ноябрь 1918 года.

Л Е Н И Н

Т Р И Б У Н

ПИСАТЕЛИ МИРА О ЛЕНИНЕ

«Русский народ, освобождённый Лениным, никогда не допустит, чтобы его снова превратили в раба. Он будет бороться, проникнутый духом Ленина. В исходе этой борьбы я не сомневаюсь. Ленин, его советское государство, восторжествуют...»

Ибо хотя Ленина уже нет среди живых, но социальный строй, который он создал и который его соратники и преемники с тех пор привели к высшей мощи и величью, никогда не пропадёт для будущих поколений.

Теодор Драйзер

«Ленин — отец нового мира. За успехами этого мира я слежу с невыразимым интересом. Я шлю свой сердечный привет вам — сынам и внукам Ленина».

Эптон Синклер

«...Как колоссально много сделали труды и теория Ленина для того, чтобы вырвать гуманизм из кругов мелкобуржуазной ограниченности, возвратив ему его простую и глубокую суть».

«Всё большее самоинтересование Запада бросает на свалку старые, идеалистические теории, заменяя их острым, новым, реалистическим гуманизмом Ленина».

Лион Фейхтвангер

«Ленин, агитатор и всеобъемлющий государственный деятель почти сверхчеловеческой прозорливости, умевший во всех обстоятельствах безошибочно и в полном объёме осуществлять синтез революционной теории и практики, всегда действовал на основе марксизма. Ленинизм — это и есть марксизм. Это новая глава в марксизме. Это — не дополнение это — конкретное приращение марксизма к современным условиям...»

После смерти человек живёт только на земле. Ленин живёт всюду, где есть революционеры. Но можно сказать: ни в ком так не воплощены мысль и слово Ленина, как в Сталине. Сталин — это Ленин сегодня».

Анри Барбюс

«Ленин стоит у истоков революции, и Ленин продолжает революцию. Образ его и после смерти живёт в сердцах и умах всех людей действия, хотя бы во многом они и отличались друг от друга».

И сегодня именем Ленина начинают свои речи народные представители в его стране. Следовать его заветам — для них закон сердца и разума».

Гернот Манн

«...Я счастлив, что приветствовал Ленина как величайшего государственного деятеля Европы и напечатал на одной из моих книг, которую я послал Ленину... Если другие последуют методам Ленина, то перед нами откроется новая эра, нам не будут грозить крушение и гибель».

Бернард Шоу

«Сталин — величайший стратег своего века... Фундамент для всех его решений служит основой учения Ленина. Когда Сталин предпринимает какие-либо шаги в какой бы то ни было области, народ говорит, что это как раз то, что следовало бы при подобных обстоятельствах Ленину. Вера в сталинское суждение — секрет народного доверия в своего вождя. Ленин не мог ошибаться, а, значит, и Сталин, который неизменно следует за Лениным, не может ошибиться. Это принятие сталинской политики привело на практике к полному единению народов Советского Союза».

Эрскин Колдуэлл

«Гениальный образ Ленина, соединившего в себе качества провозвестника и осуществителя, указывает рабочникам культуры новые цели: он ведёт их от пассивного созерцания в мир действия и дела... Ленин вдохнул жизнь и тепло в те силы человечества, которые борются за дело прогресса».

Мартин Андерсен Нёсе

В. И. Ленин и М. Горького на острове Капри (1908 год)

Евгений Воробьев

Сумерки уже успели перекрасить дальний основной бор в алмазный цвет, трава стала серой, шикот плавится — черным, а на предвечернем небе обозначилась тлеющая луна.

Пулемётчик Асютков сидел на бруствере, свесив ноги в окоп, и неторопливо рассказывал:

— Мартынов — это такой человек, что если о нём подробно написать в газете, то одной странички никак не хватит, а скорей всего придётся уделить ему две странички, а то и всю газету.

В мирное время работал Мартынов Иван Клементьевич гас-то по газетной части — освещал спектакли цветными лампами.

Попа на фронт, Мартынов стал пулемётчиком. Пулемётчик из него получился естественный. А если кто в этом и сомневался, то лишь до тех знаменитых боёв, которые принёс нам расчёт за рекой Жигарой, у рощи «Огурец» и ещё у рощи «Подкова».

Иван Клементьевич с вечера перебрал все пулемёты, снаряды, а на пулемёт наш Максим Максимович звал. Приготовная званые позиции, как полагается. Последним мы чд выскочки — кругом ауга, каевер, волшебный запах от него. Когда ветерок, на две окопа сажиню.

Нельзя было огнём на всех роды оружия. Но ночь зельская — черной, и было они больше да психологий. Знали, что наша утрюг опять в атаку соберутся.

Лежит Мартынов в окопе, на звёзды смотрит и меланхо как говорит:

— Со мной парторг роты вчера беседовал. Завлечение я уже написал. В кармане держу.

— Поздравляю, Иван Клементьевич, сердечным образом, — говорю. — Давно тебя нестала.

— Тогда он говорит:

— А вот бы ты мне, Асютков, рекомендацию дал?

— Какой же вопрос? — говорю. — Давно предлагаю. Разве мы не за одним шикотом лежим? Разве нам обогно не светит огнём и те же дураки? Разве не обогит светь радий?

— Не возмь вместо, согласно приказу товарища Сталина?

— Снам мы поочередно. Когда развидиелось, я достаю карандаш и бумагу и пишу Ивану Мартынову рекомендацию.

— Не передать эту рекомендацию мне не пришлось, потому что бой завязался сразу и такой бой, что лебу стало жарко и нам

РЕКОМЕНДАЦИЯ

РАССКАЗ

горячо. Мартынов навёл, я исполнил свою должность чторого номера. Подползником хлопота Никола Кошки.

Ночью напалывались в роще «Подкова» да констатики, но Иван Клементьевич не давал им подняться с травы: ведь это не просто пулемётчик, а можно сказать, заслуженный артист своего дома — звать ли его стрелком в точку, с расселиванием по фронту или в глубину.

Слева горбатыо деревце росло, ориентир четыре. Возьмёт Мартынов это деревце на мушку, откроет огонь, и лавно так, без рыков, не нажимал на ручки зальника, поведёт вправо. Расселивание давало во всю ширину рощи — немцам было на что обижаться владелись, как трава под косой.

— Ох, но выслушай ны мартиновской работы, — печально сказал после паузы Асютков, соблазнуя мне, как человеку, который утущен в своей жизни что-то очень важное и который уже никогда не поверстат лучшего. Помочав немного, он продолжал: — Окопалась мы, как полагается, надёжно. Иван Клементьевич, ещё помини, наш окоп сфабрикован бужкой назва.

Свёду о «Максим Максимовича» рассказали, темный воздух от него лёгким облачком подымается.

Мартынов приподнялся, достал флагу е пильевой войло, отхлобуил глоток, даа пригубить нам обогам, а всё остальное выдала в кофуре. Сторожено так Ана, владим мимо отверстия не пронёс.

Но вот, когда уже стал завивчивать пробку наливного отверстия, ударила Ивану Клементьевичу в грудь луна. Приказал он руку к груди, будто что-то рассказывал, ему не поверили, а он бжикнется стал. Постоял так час колесных и улаа.

И звали место Мартынова, а Кошлу — он лавень рослей, кувшином ила, топчась слязть, ковалям, работа на Украине — приказала выгнать первого номера понабже к санитарям.

Передвёл его Кошки осторожно как, положила себе на плечи и сбросил в дорогу.

Мартынов открывает глаза. Слышит, пулемёт не бьет, а меня не видит повернуться ему никак нельзя.

— Наш? — спрашивает. Кошки кивнул головой.

— А сколько набитых сколько в коробке? — спрашивает.

— Одна только.

— Что же ты раньше времени в санитары звалася? — медленно так спрашивает и руку к груди прижимает.

— От другого номера приказ вышел, — оправдывается Кошки.

И бжикнет, а вдруг Мартынов подумает, что он по своей воле пулемёт оставил, что он под предлогом эвакуации командира хочет поглотить с высоты в тыл?

— Но обижался, Никола. А только эвакуацию придётся отговаривать, — тихо так говорит Мартынов. — Приказ отходить не было. Приказывало набить аснты.

— Слыхую, — говорит Кошки и чуть не падает в обморок.

— Будем биться до последнего патрона, — говорит Мартынов. — Как подобает нам, партизанам явдим.

И захрипел гавом.

Кошки набил зурюгу аснту, как полагается, растянул её после снаряжения руками, чтобы не переканчивалась, уложил аснту в коробку «тарнополь», и «Максим Максимович» снова зашла свой строгую песню.

Рассказчик снова помолочал, как бы собирался с силами, потом продолжал:

— Но Иван Клементьевич той песни уже не слышал.

Похорошал его со всеми поветствиями, как фронтовика и героя, на этой самой неприступной высоте, а парторг сказала речь о неспартизаном большенике Мартынове.

Хотел и а сказать речь, но слова будто аерекосились и застряли в горах.

И тогда, увидев, что речи у меня не получится, а слова моего жагуд, я достаю рекомендацию Ивану Клементьевичу Мартынову даа еступления в кандидаты ВКП(б). Прочёл я над могилкой свою рекомендацию, вложил её Мартынову в левый карман гимнастёрки, где все мы партбилеты носили, и пошевелил товарища. А сказать так ничего и не смог.

Как второму номеру расчёта мне дали бросить в молчу веревку горсть земли. Она была сухая-сухая, зва земля, но я знаа, что внизу, на аугу, под нашей высотой, где сражался пулемётчик Мартынов, земля сегодня утром намокала от немской крови.

СКАЗ ПРО КОВПАКА

Украинская народная дума

От переводчицы. На Украине я встретилась с молодой девушкой Анной Дубенко родом из села Печениш, Печкинского района, Харьковской области. Анна Дубенко знает множество дум, сложеньих как в старые годы, так и во время Отечественной войны. Сама складывать песни она не умеет. Сказ о Ковпаке она слышала от Галины Козловской — девушки из города Станиславова, которая после освобождения Харькова от гитлеровцев работала в военном госпитале санитаркой. Сказ о Ковпаке записан со слов Анны Дубенко, так как Галину Козловскую в в городе уже не застали: она уехала на фронт.

Бродят звезды в полнебесе,
Месяц на закате,
Жил да был Ковпак на свете
В украинской хате.

И сыны его и внуки
Выросли на воле,
А Ковпак бродил по лесу,
Да работал в поле.

И земля ему дарила
Урожай богатый,
Прожил сотню лет на свете
Ковпак бородатый.

Умирая после боя,
Старый дед Ковпака
Запорожское оружие
Подарил казку.

Тихо выговарял Ковпаку:
«Ой Ковпак-Ковпаче,
Не урайся ты сражений,
Никогда не плачь ты.

А замахни казацкой саблей
В украинском поле,
Помини ты Запорожье
Да святую волю.

Да с волей днепровской флагой
Ты возьми с собою,
И хвабины воды дельной
Перед лютым боем!»

И Ковпак хранил ту саблю
И заветы деду,
В год двадцатый леной саблей
Он добыл победу.

Но отгизну разорван
Немцы-суноваты,
«Что кручинилась, казаче,
У снабшної хаты?»

«Там гуфты невольничий фонтан,
Там красянки губит,
Ставят вислицы немцы,
Малоаесток рубят!»

И Ковпак взял саблю деду —
Запорожия саблю,
И ушел он с сыновьями
В темную дубраву.

И правдею сабля
Заставя в поле,
Тес Ковпак про Запорожье
Да святую волю.

И днепровскою водою
Он кропил отряды,
И дрожали от их шага
Немцы на ловадах.

Гей, Ковпак, как немцам-заманям
Тебя не страшиться?!
Бомбой ты взрывавши посад,
Жайшь амбар с пшеницей!

Взыгнет сабля, ты отряди
Поведёшь в атаку...
Минут немцы — не похалди
И следов казака..

То его следы закрыва
Травушка степная,
То Ковпака схиринала
Сторона лесная.

Немцы думают-гадают,
Только толку мало —
Вся родина Украина
Партизанить стала.

А когда казака спросит:
«Ты отрой нам, старай,
Кто тебя учил так смело
Наносить удары.

Рубишь саблей немцев пьяных,
Не молясь бегу,
И проходишь через грозы
На глухих дорогах.

Ты один, а в сотню немцев
Бросавешь гранаты?»
Отвечает партизанам
Ковпак бородатый:

«Ясная со мною сабля
Да вода родная,
В бой иди благословила
Родина святая.

Стали сам в Кремле кремнёвом
Мне даёть советы,
Те советы мне приносит
Заднепровский ветер.

Буду гнать проклятых немцев —
До ворот Берлина,
Чтоб они пути забыли
К нам на Украину!»

Перевела с украинского
Надежда БЕЛИКОВИЧ

Рисунки Н. Муромова

А. С. Макаренко

ПОРУЧИК ЯБЛОНСКИЙ

Это случилось в декабре 1913 года.

И тогда работала учителька железнодорожного училища на небольшой узловой станции на Херсонщине. Станция и поселок при ней можно было охарактеризовать одним взглядом. Над окружала степь, однообразная, ровная, молчаливая. А что там было в степи? Два кургана на горизонте, да скрежет вдалеке осы, да на большой дороге столбы и пыльные вихри.

На станции было маленькое дело, так называемое «оборотное»; работало в нем народу несколько десятков человек, и на самой станции еще меньше, — тихое было место, пыльное и бедное.

И школа наша богатством не отличалась. Она была предназначена для детей линейных служащих: путевых и барачных сторожек, стрелочников с маленьких станций и полустанков. Было у нас много и сирот. Большинство monks учеников жило в общежитии при школе. Все это было организовано в «приютское» стаде-беспо, казенно, угрюмо и неподвижно.

Мы, учителя, — а нас было человек восемь, — все свои время проводили с ребятами; впрочем, у нас другого выбора и не было. По старой учительской традиции, мы, конечно, предавались прекрасным минутам легкой разлуки: доброе лето, из года в год давали выпуски и развалились, провожая хлопчиков и девчат в жизнь. А развалились, собственно говоря, было и несомну им в какую-то особенную жизнь не было путей для наших учеников. Все поголовно они уезжали на маленькие станции и полустанки продолжать ту же старую старую работу отцов.

А мы продолжали свою — учительскую. Где-то там, далеко, далеко за степями и курганами, на каких-то недоступных кончиках дорог и провозов, протесала всякая складчатая жизнь, избуражившая тысячу девятьсот пятым годом. Она доходила до нас в сборниках «Знания», в изданиях «Донской речи» и «Журнале для всех», в разуме, и в галатеи. И в своей замкнутости мы видели серую, вышнюю «облачную» тучу расклина, синюю и резко всплывши мимолетного рабочего движения, крестьянских волнений, подпольной работы революционеров. Не видели, а чувствовали и дышали новью техники, напряжением борьбы человечества с природой. Все это было дорого и близко для нас, но никогда не были свободны от тяжелого опущения заброшенности и бесперспективности. Слышали мы и читали о первых полё-

Мы печатаем неопубликованный рассказ писателя А. С. Макаренко, автора популярной и любимой молодежью книги «Педагогическая поэма». «Поручик Яблонский» — рассказ о великом подвиге молодой советской русской пилотки из числа пионерок русской авиации, предшественников наших героических.

тах людей, знаем имена лётчиков, их подвиги и трагические дни катастроф. В их подвигах много было настоящего человеческого подвига, но даже этот подвиг каким-то чуждыми силами был обращён в далёкое для нас и «не наше» дело. Мы скорбной о смерти штаб-капитана Андреева, створенного в воздухе, но мы и помнили, что Андреева принадлежит к тому разряду людей, который был отвлечён от нас многими перестородами. Не только проникнуть за эти перестороки, но и взглянуть туда нам было для нас невозможно. В окнах проходящих поездов мы иногда видели важных господ, с выраженным дорожной скукой рассматривающих наши захудалые фигуры. Иногда на их плечах бегало золото, одиноково для нас неподвижное, было это золото чуждым и чуждым. На самой нашей станции появлялись чуждые начальники жандармерского отделения, усталые, обтянутые реиутами и мушкетаром, но один раз он зашёл даже в школу, брезгливо взглянул в класс, на полускулки задержался в дверях учительской и сказал:

— Учителя? Да... Ну, прекрасно...

И ушёл, сообразоделанный стационными жандармом, до деревянной твердости набитым потчином.

В нашем представлении было даже не совсем понятно, как могут эти вышечные господа летать на аэронавтах: самолёт уж видимо было противоречие между их блеском и скромной неподвижностью лёгкого полавга.

И вот первого декабря, в морозный бесценный день, в тишину наших классных занятий ворвался непривычный и непонятный звук мотора. Он с напористым и настойчивым усанием шёл на нас всё заполняющей волной и наконец поглотил всё, звенящим грохотом упал у самых две-

рей школы и вдруг замер. Мы бросились наружу. По широкой площадке перед школой катился прямо на нас крылатый лёгкий аппарат. Ребята бросились в стороны, а потом испуганными глазами заглядывались на нависающее чудо. Аэронавт остановился у самого крыльца здания. Собой мы увидели две головы в шлемах, торчавших из крохотной кабинки. Мы побежали к ним.

На землю спрыгнул ловкий человек и понаблюдал нам рукой. На его плечах ярко выжались на черной коже куртки золотые погоны или аэронавта и три звездочки.

Офицер присел и взглянул на клубок. Потом поднялся и сказал мне весело:

— Чу, чорт Свистанов отдалакам! Весёлый его, звонкий тенор всё-таки не мог скрывать страшной бедности лица и тонкого выразительного побеления губ. Даже узкие ушки над губами выбрировали как заметно. Меня захватывала волна горячей симпатии к этому небесному гостю, мне хотелось и торжественно поздравить его и пожалеть.

Он прожил у нас три дня, пока его механик съездила в Киев за частью для мотора. Поручик Яблонский совершила засекреченный перелёт из Киева в Севастополь. Посадка ему полагалась в Николаеве, но пришлось сесть на нашей станции, так как в близлежащем случился авария.

Поручик оказался очень простым и милым человеком. На нашей станции всё-таки была кое-какая аристократия: начальники участка, начальник станции, садоводы. Они устроили в честь его пребывания банкет, но поручик не шёл ни звать, ни водки, и устроил банкет был очень развлекательным и с горя выпилили сами до той степени, когда обычно принято было на нашей станции даже по менее важным поводам. А поручик предпочитал общество моих учеников.

Целый день проводила в нашей школе, а вечером устраивал в бедном нашем общежитии и рассказывал ребятам жуткие истории о первых полётах аэронавтов, о будущих днях авиации, о победах авиации. Ни в нём самом, ни в его рассказах не бастали офицерские погоны, они и сразу не назвали ни одного чина, да с нами тут же повсюду у меня по комнате и по площади мой меховой полушубок, более приспособленный для стальных ветровых порозов.

Занятия в школе проходились кое-как: ребятам было не до занятий, слишком различна их воображение этот заветный, простой и всеялый тощ. Больше всего вертелось возле носа Алёшки Сидорин, чётырнадцатилетний серьёзный мальчик, сирота, потерявший отца-машиниста в железнодорожном крушении. Яблонский и сам обречённо внимавше на Алёшку и косяка в беседах с ним до таких тонкостей, что уже и карандаш появился в его руках и на учебничкой тетрадке начертаа он для Алёшки схему аэропланах рукой и ещё кляксою хитроумной.

Четвёртого декабря, перед вечером, Яблонский закончил ремонт своего мотора. С самого утра провозились он и его механик в аэроплане, а мой ребята и в школу не пошла, а обступила машину тесной толпой, и Яблонский кричал им сверху:

— Ничего, ничего, ребята, поаистим!

Он поднялся в воздух очень низко, уже начало полететь. Мы уговаривали его отложить полёт на завтра, но у Яблонского был свои соображения. Он покаа руки лопти всем двум стаа моим ученикам, потрешаа кое-кого по грустничкой и обещаа обязательно дать телеграмму о благополучном прибытии в Николаев, куда он должен был прилететь через час.

Мы грустно садимся на кам, как еза затонувшая точка самолёта исчезла в декабрьском вечернем небе, а потом всё толпой отправлялись на станцию ожидать телеграммы.

Телеграмму мы ожидали долго. Сначала оживлённо обсуждали ярые подробности последних дней, потом тревожно молчали, а потом девочки начали плакать. Было двенадцать часов ночи, когда я убавил грустных ребят спать. Алёшка Сидорин выпросил у меня разрешение остаться на станции, он всё-таки продолжал верить в телеграмму.

Она пришла к вечеру следующего дня и была подписана механиком. Он сообщала, что Яблонский сбился с пути и соа в поле, еза нужно, в ров, робота вончил машину и сам расплоск: находится в Николаеве, в военном госпитале, с переломами руками и ногами.

Редко можно видеть такое широко и горячее горе, какое захватило моих учеников. Они засели в классах за парты и громко, открыто рыдали, не стеснясь друг друга и не оправдываясь. Я очень хорошо понимала их страдания, потому что и у самого демисла в сердце от сознания обидной и глупой несправедливости, от такого гуманизма жизни, оскорбляющего прежде всего самых лучших, самых смеаких и новых людей.

Алёшка Сидорин не плакала. Он бродил по школе молчаливый и суровый и всё

о чём-то думала. Только к ночи он оживился и пришёл ко мне с листком бумаги: — Хлопни сосисасы. Вот тут написана, у кого есть, а у кого нет, и так хорошо.

На листочке бумаги были в колоночку выписаны фамилии и против каждой стоила сумма: три копейки, пять копеек, одна копейка. Алёшка объяснила, что это собраны четыре рубля длядесяти девяти копеек, чтобы послать Яблонскому большую телеграмму, в телеграмме всё написать.

Я ничего не сказаа Алёшке, и мы сели писать телеграмму. Она вышла действительно очень большой и подробной. В ней мы не столько обращались к Яблонскому, сколько к глупой судьбе и требовали, чтобы она с большим уважением относилась к человеческому достоинству. Телеграммы эта обещала нам в десять рублей — сложилась и учителя. Её отправка успокоила ребят — грустные, но уже без рыканий отправлялись спать. А на другой день мы поаучили и отъеза от Яблонского, в котором он благополучно нас и обещала поправиться и когда-нибудь снова в нам прилететь.

Через неделю мы видели на платформе обложки аэроплана Яблонского, которые проследовали через нашу станцию в Киев. А ещё через неделю меня вызвала на соседнюю уланую станцию жидарский штаб-ротмистр. Он сияла за большим столом и рычала на меня:

— Сегодня сбор денег на телеграмму, а завтра кому?

— Господин ротмистр, но ведь...

— Что вы там ещё говорите! Поручик!

Ротмистр дико галнула на меня:

— Обложите себе раа навсегда в годду: военный он нам не военный, это вас не касаются. Понимаете? Если не понимаете, смотрите, чтобы я не объяснила вам как следует!

— Я понимаю, — тихо сказаа я.

Он посмотрел на меня подозрительно и отвернулся:

— Можете идти. На этот раз мы ограничимся увольнением.

Я ушла.

Яблонский погиб во время войны с немцами.

Я часто вспоминаю этого весёлого простого поручика. И сейчас, когда невозможно разгадать, где кончается героизм отдельного человека и начинается героизм моего народа, когда каждое движение сердца и каждое движение советских самолётов так душевно и так радостно сияют, я благодарю судьбу, что она позволила и мне жить в наше прекрасное, горячее и искреннее время.

Александр Решетов

НАТАША ОРЛОВА

Она пришла на фабрику весной —

Четырёхнадцатилетние Наташа.

— Засеа до войны работала папа мой,

И эту фабрику мы называли нашей.

Он был регулировщиком машин,

Орлов, Сергей Петрович,

Знала, может?

— Люблю ты всё в него, —

Сказаа мама,

Суровый, на учителя похожий.

— В одном полку я был с твоим отцом,

Но госпиталь в цех вернулся снова.

Наташа подала письмо бойнов —

Расказ о гибели брата Орлова.

И человек читал письмо, темнеа

Над каждой оплаканной строкою,

И долго он на десочку глядел,

Обица её единодушно рткою.

— Я мастер неха,

Много у меня

Таких, как ты,

На год, на два постарше.

Что ж, будешь с ними с завтрашнего дня

Мстать за отца.

Так он сказаа Наташе.

Взволнованная, шла она домой.

Но дома не с кем чувством поделиться:

Мать на работе в нашивной мастерской.

Пода, горюет мама-матерца.

Бойнам писала девочка ответ,

Как будто клятвою клялась суровой...

Проходит дни,

Бегая пятываждать лет

Исполнялась стахановке Орловой.

В большом ряду гремит её станок,

Скрежещет сталь, упрямая, литая,

И знает мастер:

Счаст дельца в срок

В залаате синем девочка простая.

И знает мастер:

Вечером она

Пойдёт домой влоа университета.

И в блеске залнов будет ей видна

Грела окон.

И ни в одном нет света.

Пускай ей вспомнится поток огня,

Пускай живут в туше месяцы балыет

Не зря могучих несаих батарей

Так яростно удари громовые.

Ребята обступили машину тесной толпой.

АДМИРАЛ, НЕ ЗНАВШИЙ ПОРАЖЕНИЙ

... На рассвете 28 августа 1790 года вблизи Гендры появились корабли. В походном порядке трёхкильватерных колонн вытеснились линейных кораблей — основной сила флота, — предназначенных для ведения боя в линии, а потому вооружённых наиболее крупными орудиями. За ними шли соединившиеся быстроходных фрегатов, использоваемых для крейсерской службы, и двадцать мелких судов. Эскадра следовала из Севастополя и держала курс на место латорной стоянки турецкого флота, расположенной между Гендрой и Гаджид-Беем.

Корабли шли под русским военно-морским флагом. Это была эскадра адмирала Ф. Ушакова.

Адмирал вёл корабли на обхождение с противником, твердо уверенный в успехе. Матросы и офицеры его эскадры были опытным моряками, готовыми к любым действиям. Стремясь нанести неожиданный и решительный удар, Ушаков и на этот раз наводил на всем о своём приказе атаковать неприятельский флот при встрече с ним, не теряя времени на переговоры из походного порядка в боевой. Он учёл опасность неожиданного и стремительно и удачно, что боевой порядок можно выстроить во время встречи. Ушаков наводил на русских моряков своего друга и учителя, любимого полководца Суворова: «Убить — победить. Кто не убит, тот побежден в плену».

Так и оказалось. Линий состав многочисленного неприятельского флота, состоящего из четырнадцати линейных кораблей, восьми фрегатов и двадцати трёх мелких судов, был асморованно вислазопавло явления русским. На неприятельских кораблях в навьюке рубили канаты, бросали якоря. И, погнав паруса, корабли стали отходить, держа курс к устью Дуная.

Адмирал Ушаков старался навязать противнику бой в благоприятных для себя условиях. Он рассчитывал прежде всего уничтожить или захватить на бордах оставшие корабли врага.

Турецкий адмирал, убеждённый, что ему не уйти от погони, приказал сделать поворот, приблизившись к тем из своих кораблей, которые уже были атакованы русскими, построив линию и принять бой.

В те времена боевым порядком флота являлась строй кильватерной колонны, то есть построение кораблей в линию, один за другим, «чуском». Такой порядок позволял успешно применять бортовой огонь кораблей. А это очень важно, так как орудия располагались на палубах (деках) по бортам.

Адмирал Ушаков так же построил линию бортами и приказал командирам приблизиться с противником на наиболее действительную дистанцию огня — картечный выстрел.

Завязался ожесточённый бой. Меткие выстрелы пушек соносили мажы и паруса, вода пробивала деловидно корпусу кораблей, вспыхивали пожары.

Ушаков ни на минуту не выпускал управление боем из своих рук. С мачты флагманского корабля почти не спускались сигналы «погоня» и «услышь аёчу».

Адмирал Ф. Ф. Ушаков.

Искусный русский флотоводец решил нанести главный удар по флагманским кораблям противника, вывести их из строя, лишив таким образом неприятельский флот управления, вызвать панику.

Смелые атаки русских кораблей, умело сочетавших огонь и маневр, привели к успеху. Сила сопротивления противника начала падать: многие поврежденные корабли были вынуждены выйти из строя и статься безгоском. Черноморские козаладнатика, наносимый удар за ударом, и через несколько часов неприятельский флот, потеряв способность к обороне, стал выходить из боя.

Адмирал Ушаков преследовал разбитого противника вплоть до наступления темноты. Только наступившей сумерки и усилившийся ветер вынудили черноморцев отказатьсь от преследования врага и стать на якорь.

На рассвете Ушаков возобновил атаку неприятельского флота, обнаруженного беспорядку от места латорной стоянки. Русские матросы с исключительным искусством и отвагой преследовали отходившие корабли противника. Флагманский корабль Угесейна был во время погони пущен ко дну. Такая же участь постигла и многие другие суда. Один французский корабль был захвачен.

Тепдревское сражение закончилось победой русского флота, достигнутой с минимальными потерями: русские потеряли всего двадцать одного человека убитыми и двадцать пять ранеными. Потери противника были огромны. На одном только корабле «Капитан» погибло около семисот

человек. Кроме того черноморцы взяли в плен семсот тридцать три человека.

Замечательный русский адмирал Федор Федорович Ушаков вошёл в историю как родоначальник тактики решительного удара, основоположник системы ведения и подготовки моряков парусного флота, как не знавший поражения флотоводец и мудрый государственный деятель.

Он первым начал борьбу с консервативными традициями, способствовавшими развитию морской тактики. Тактический искусство того времени было сведено к «тому-ни правлам», оставленным на основе некоторых положений первого сочинения по морской тактике — Павла Густа, — вышедшего в свет ещё в 1597 году. Флотоводцы XVIII века возвали эти произведения в догму и не решались видоизменить их в соответствии с обстановкой. В силу этого застарелые бои отличались властью и нерешительностью. Флагманы избегали риска, уклонялись от маневра.

Новатор военно-морского искусства, адмирал Ф. Ушаков утвердил в русском флоте принципы решительного боя. Он всегда строил свои действия на самом строгом расчёте. Разработавши план операции, он постоянно преследовал офицеров от штаба, указывая на преимущества быстроты и натиска, отмечая необходимость оправдания себя на практике тактических приёмов и учёта боевого опыта.

Ушаков всегда искусно маскировал истинные цели операции, скрытно подготавливал нанесение главного удара. Сохраняя инициативу в своих руках, он всегда наносил сосредоточенные удары по частям неприятельской линии. Нередко он направлял свой флагманский корабль, поддерживаемый двумя-четырьмя фрегатами, на адмиральские корабли противника, что неизбежно приводило к разстройству неприятельской эскадры.

Смело являл строй, он прорезал неприятельскую линию, вытесняя её с места. В сражении близ Керченского пролива в 1790 году Ушаков, пренебрегая правилами современной теории тактики, использовал парусный ветер и вывел свои флагманские корабли из центра. Он приказал командирам других кораблей авангарда повторить его маневр и, следуя за флагманом, прорезать линию противника. Этот маневр решил успех операции.

Необычайный адмирал любил своих матросов и был тесно связан с ними. Он был для них полновластным отцом и в то же время строгим и требовательным начальником. Добровольно разделял зарплате с подчинёнными все невзгоды походной, боевой жизни, он требовал «...неумного обо всем поощения, отамного усердия и предности к службе». Сам Ушаков являл пример беззаветной преданности родине. Он считал, что каждый офицер прежде всего должен думать об интересах Родины и высоко ценить свою воинскую честь. «Смерть предпочтительна — несоответственному поведению и бездействию служения», — писал он в мае 1798 года.

Система воспитания и подготовки военного моряка парусного флота, заложенная Ушаковым, заключалась в достижении той «высокой степени исполнения эволюции», при которой «всякий спешит исполнить ему должное в полном виде, как належит». Матросы, по мнению адмирала, должны проявлять разумную инициативу, сознательно относиться к порученному заданию и обладать навыками «в спору и крайнему управлению всякого дела». Ушаков воспитывал у моряков русского флота чувства святыни, воинской чести и воинского долга.

Сотка Черноморского флота в Босфоре в 1798 году.
(По старинной гравюре).

Матросы уважали адмирала. Он был строг, но справедлив. В одном из донесений к Потемкину Ушаков писал: «Дожидаясь много лет довольня, кроме разве чепуховых такжиков, которые боятся ревности к службе и военного порядка; довольными сделать всех никак не можно». Командирский Черноморский флотом преврал офицеров и унтер-офицеров сурово прекращать все случаи послабления воинской дисциплины, опасаясь, чтобы от таковых соображений примеров и несоблюдения военной дисциплины не могло произойти худых следствий, а особо когда случится битва против неприятеля.

Адмирал Ушаков принял участие в борьбе Англии, Турции и России против Франции. Наполеон, желая Ушакова отравиться в Средиземное море, здесь он разработал план операции по освобождению Корфу. Бонапарт, Жанте, Санта-Мартин и других островов Ионического архипелага от французских оккупационных войск. В этих военных действиях большую роль сыграли отряды морской пехоты, созданные и подготовленные адмиралом, которые

стремительно высаживались на острова под прикрытием корабельной артиллерии.

В октябре—ноябре 1798 года были очищены все острова, кроме Корфу.

В то же время Ушаков обследовал взаимодействие с оперировавшей поблизости эскадрой английского адмирала Нельсона и помогал суворовской армии.

13 ноября 1798 года Ушаков блокировал остров Корфу. Крепость Корфу, расположенная на скалах, была обнесена толстыми и высокими гранитными стенами, влом и глубокими яром, заполненным водой. Она считалась неприступной. Северную сторону крепости защищала батарея острова Видо, лежащего на североострове от Корфу. Самая крепость располагалась 650 футов, трехэтажным гарнизоню, большим количеством боеприпасов и продовольствием. Казалясь, нет такой силы, которая могла бы взять этот самый укрепленный пункт Ионического архипелага — ключ к Адриатическому морю.

Но вот в Средиземном море появились русские корабли адмирала Ушакова. Началась подготовка к штурму.

Решив нанести врагу односторонний удар и с моря, и с суши, адмирал прежде

неско начал действия против острова Видо, обнесенного им как «ключ к Корфу». Под прикрытием огня корабельной артиллерии он высадил свои десант в 2169 штыков, который после кровопролитного боя одержал победу.

Эта операция обеспечила успешное действие против приморских укреплений Корфу. Гарнизон капитулировал. Черноморцам доставлять громадные трофеи: 636 пушек, 137 тысяч ядер, 132 тысячи патронов, 3060 пудов пороха, два корабля и 17 мильяков судов. В плен было захвачено около 3 тысяч французов.

Освободив насащенные островов Ионического архипелага от туркии Напалеона, Ушаков показал себя незаурядным государственным деятелем. Он создал там государственное управление «Республики семи островов».

Высоко оценивая успехи Ушакова генерал-фельдмаршалу Суворову Полауин известие о взятии Корфу, он воскликнул: «Великий Петр наш жив! Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских шхерах, прокричал, в изменю: природа произвела Россию только одну; она соперника не имеет, то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту!» И добавил: «Зачем не был я при Корфу, хотя мичманом!»

Русские моряки воздвигли свой флаг в городах Италии, освобожденных ими от войск Наполеона. Черноморские моряки, посланные Ушаковым, захватили Неаполь. Черноморцы побывали и в Риме. Итальянский народ восторженно приветствовал своих избавителей.

Советские моряки не забывая своего великого предка, с именем которого связано немало битваельных побед русского флота, русского оружия. Традиции Ушакова живут в нашем Военно-Морском Флоте.

ОТВЕТЫ К КРОССВОРДУ В № 21—22

По вертикали: 1. Картер, 2. Сырва, 3. Кунгас, 4. Охтана, 5. Аскура, 6. Байрам, 8. Ковев, 10. Пьеса, 12. Седан, 21. Озь, 22. Охл, 24. Лес, 25. Вал, 27. Ива, 28. Аси, 29. Нл, 30. Ум, 32. Замок, 34. Гарф, 35. Арек, 37. Илрт, 38. Факр, 40. Вова, 41. Цел, 42. Эму, 43. Сто, 48. Тыл, 49. Сыр, 50. Ар, 51. Ст, 52. Сем, 53. Ал, 54. Тес, 55. Бра, 57. Удина, 58. Дале, 59. Асван, 60. Шапес, 61. Ампер, 62. Парана, 63. Эдинг, 64. Катет, 65. Распра.

По горизонтали: 7. Капкан, 9. Унех, 11. Каска, 13. Авн, 14. Рек, 15. Телур, 16. Гена, 17. Ордер, 18. Яна, 19. Нар, 20. Проэра, 23. Сала, 26. Динамо, 31. Яв, 33. Аглас, 36. Пифа, 39. Яв, 41. Мивер, 45. Тучур, 47. Килт, 47. Авт, 49. Сакс, 54. Сугд, 55. Бак, 56. Тузлар, 60. Штам, 63. Эскари, 66. Двг, 67. Аул, 68. Довор, 69. Савер, 70. Лотос, 71. Икс, 72. Ян, 73. Август, 74. Перун, 75. Натур.

ОТВЕТЫ К КРОССВОРДУ В № 23—24

По горизонтали: 2. Лг, 6. Централ, 8. Артефлерет, 12. Ян, 13. Ил, 14. Парж, 17. Некы, 22. Минарет, 23. Кентар, 24. Сабол, 27. Сакле, 29. Га, 32. Га, 33. Транспортер, 36. Матрика, 37. Пат, 39. По вертикали: 1. Кирель, 3. Релин, 4. Капри, 6. Ар, 7. Ис, 8. Арк, 9. Таж, 10. Ивн, 11. Тук, 15. Агала, 16. Идзал, 18. Сиен, 19. Рувл, 20. Ник, 21. Ива, 25. Бог, 26. Яв, 27. Ст, 28. Кир, 29. Атей, 31. Спарга, 32. Гракт, 34. Ре, 35. Еж.

В НОМЕРЕ:

Н. ПОГОДИН — Великие заветы.
М. ГОЛОДНИК — Ленин — Сталин.
По пути Ильича.
А. ОВЧИНОВ — Он ундл любовь Родину.
Е. ГЕРР — У Владимира Ильича.
В. ВИШНЕВСКИЙ — За дело Ленина; за город Ленина.
Ленин в жизни.
Ленин — трубу.
Писатели мира о Ленине.
Е. ВОРОБЬЕВ — Рекомендации.
Сказ про Колпака.
А. С. МАКАРЕНКО — Поруки Яблонский.
А. РЕШЕТОВ — Наташа Орола.
Е. БЕРКОВ — Адмирал, не знающий поражений.
На первой страшике обложки: «В. И. Ленин на берегу Невы» — рисунок художника П. ВАСИЛЬЕВА.

И. о. ответственного редактора — М. КОТОВ.
Непринятые рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Ирма», 24.
Формат 21 x 110 см, 256 печ. л. Цв. в п. л. 98 000, б/цв. 66. Тираж 50 000 экз. Цена № 205. А 5108. Подписано в печать 3.11.44 г.

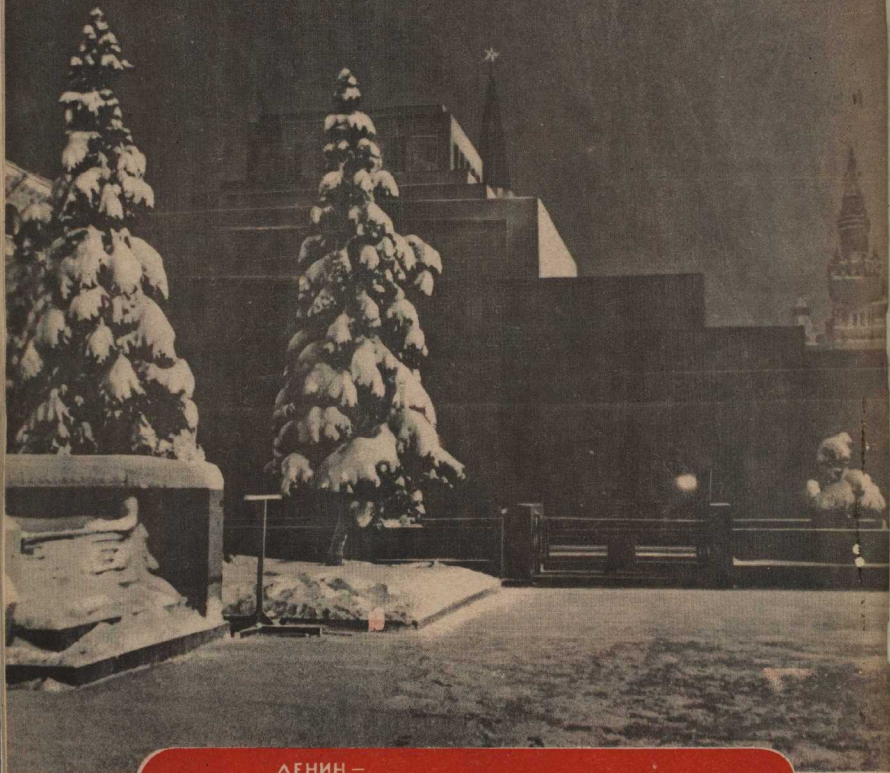
**С ОБРАЗОМ ЛЕНИНА В СЕРДЦЕ,
С ОРДЕНОМ ЛЕНИНА НА ГРУДИ**

На снимках герои форсировали Днепра — Герои Советского Союза: сверху (слева направо) — старшина П. Иванушкин, подполковник А. Сидоров, ст. сержанты И. Боев и П. Северьянов; внизу — сержант И. Семёнов, рядовой П. Ибрагим, сержант В. Болотников и капитан А. Давыдов; слева (сверху вниз) — ст. лейтенант В. Бутылкин и ст. сержант А. Фадеев; справа — ст. сержанты В. Петров и Х. Князьев.

Фото Г. Вайль

ЦЕНА 2 РУБ.

ЛЕНИН —
ЖИЛ.
ЛЕНИН —
ЖИВ.
ЛЕНИН —
БУДЕТ ЖИТЬ.
В. МАЯКОВСКИЙ.